

Ю. Л. Жмодиков

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ТАКТИКИ РУССКОЙ ПЕХОТЫ В 1812—1813 гг.

В последние два десятилетия в европейской исторической науке наблюдается значительный интерес к такому аспекту военной истории как элементарная тактика армий различных эпох, т. е. тактика не крупных войсковых соединений (армий в целом, корпусов и дивизий), а их низших боевых единиц (частей и их подразделений) и влияние на их действия в бою психологических факторов. Особенно много подобных исследований появилось по наполеоновской эпохе: в них обстоятельно рассматривается не только уставная тактика, но и боевая практика европейских армий, ее особенности в разных странах и эволюция отдельных ее составляющих. В отечественной же исторической науке за это время вопросы низшей тактики русской армии начала XIX в. затрагиваются лишь в работе И. Э. Ульянова, и то, преимущественно, с уставной стороны¹.

Данная статья — попытка хотя бы частично восполнить пробелы в исследовании данной темы, раскрыть некоторые существенные черты тактики русской пехоты по состоянию на 1812—1813 гг.

В течение 1812 г. основной формой построения пехоты на поле боя вместо развернутого строя (использовавшегося также «фронтом» или «лицом») становится батальонная колонна из середины или «колонна к атаке» — этим последним термином, заимствованным из французской военной лексики, она в основном и именуется современниками. Под обоими названиями такая колонна вошла в изданный в 1816 г. раздел «Батальонное учение» пехотного устава и строилась по 4-у и 5-у взводам — средним, когда батальон стоял и развернутом строю. В колонне эти взводы образовывали ее «голову», а остальные выстраивались за ними: за 4-м, последовательно — 3-й, 2-й и 1-й (гренадерский взвод гренадерской роты), а за 5-м — 6-й, 7-й и 8-й (стрелковый взвод). Следует отметить, что в «Батальонном учении» фигурируют и другие виды

¹ Ульянов И. Э. Регулярная пехота. 1801—1855. М., 1996. Не много имеется и более ранних работ: Базов А. История русской армии. СПб., 1912. Вып. 12; Кошечков А. Н. Тактика русской армии в период Отечественной войны 1812 года // Развитие тактики русской армии XVIII в. — начала XX в. М., 1957; некоторые, но, как правило, неверные положения относительно тактики содержатся в книгах: Бескровный Л. Г. Русская армия и флот в XIX в. Военно-экономический потенциал России. М., 1973 и Богданов Л. П. Русская армия в 1812 году. Организация, управление, вооружение. М., 1979.

дивизионных (т. е. двухзвонных) колонн, но они, судя по всему, в рассматриваемый период практически не использовались.

Выработанная опытом предшествующих кампаний (первый раз описывается Кутузовым в приказе по Подольской армии от 6 октября 1805 г.²) батальонная колонна из середины была формой построения наибольшей степени отвечающей требованиям боевых действий той эпохи. Во-первых, имея, как всякая колонна, более узкий фронт, чем развернутый строй, она позволяла легче сохранять порядок при движении батальона по полю боя и быстрее маневрировать. Во-вторых, из нее гораздо быстрее, чем из колонны, построенной по правофланговому или левофланговому взводам, можно было принять другие формы построения: развернуться в линию³ или свернуться в каре. В-третьих, глубокий сомкнутый строй увеличивал уверенность в взаимной поддержке для составляющих его людей. Последнее свойство колонны с особенной силой проявляло себя именно в русской пехоте, которая, во многом вследствие особенностей национального характера, в минуту опасности не рассыпалась, а наоборот, сбивалась в более тесную массу⁴.

Благодаря этим своим свойствам колонна стала наиболее эффективной формой построения пехоты для производства наступательных действий. Но если в наполеоновской армии колонны использовались почти исключительно только для того, чтобы как можно ближе подойти к противнику и, развернувшись в линию, открыть шквальный огонь⁵, то в русской армии еще со времен Суворова культивировались штыковые атаки — движение вперед без стрельбы (или почти без стрельбы), чтобы таким движением «опрочистить» неприятеля, т. е. обратить в бегство или, по крайней мере, принудить к отступлению.

Для достижения этой цели атакующим достаточно было решительно, неустранимо и организованно двигаться на противника, несмотря на его численность и силу огня, т. к. неприятельские солдаты, видя подобное наступление, рано или поздно падали духом и «оборачивали тыл», не дожидаясь того момента, когда атакующие приблизятся вплотную и пустят в ход штыки. Поэтому штыковые бои были большой редкостью, исключением происходили только в тех случаях, когда отступление атакующих было

или по каким-либо причинам невозможно или затруднено. Один из подобных эпизодов, относящийся к Кульмскому бою 17 (29) августа 1813 г., описан в дневнике обер-офицера лейб-гвардии Измайловского полка Л. А. Симанского: «...неприятель был так близко, что пули весьма близко доставали в колонну. Батальон..., не выдержав их [неприятельских стрелков. — Ю. Ж.] дерзости, пошел на штыки, громкое ура предшествовало сему, впереди ехал Храповицкий [командир полка. — Ю. Ж.], неприятель побежал; а бежав в шинели, был обессилел, неприятели догнали во множестве у ручья между кустарниками, где они, стеснившись, валились друг на друга. Тут я увидел в первый раз, как наказываемы они были штыками. Я рубил их шпагой по ромам [sic!], один схватил мою руку и повалил меня ...»⁶. Характерно и продолжение этого эпизода: продолжая атаку, измайловцы «увидели, что неприятель с левого фланга довольно [т. е. в большом количестве. — Ю. Ж.] показывался; солдаты, оборотившись налево, отпаливаясь, уходили назад» — т. е. обнаружив угрозу с фланга, батальон отступил, не принимая боя.

Штыковыми атаками русская пехота быстрее и с меньшими для себя потерями достигала успеха, чем ружейным огнем⁷. Другой отрицательной стороной огневого боя было то, что батальоны, втянувшись в перестрелку, становились трудноуправляемыми и командирам стоило значительных усилий заставить солдат прекратить огонь и стрельба продолжалась, как правило, до тех пор, пока одна из сражающихся таким образом сторон или обе одновременно⁸, не начинала отступать вследствие своего морального ослабления или израсходования боеприпасов. В первую очередь в силу именно этих причин командование русской армии постоянно требовало от пехотных офицеров «стрельбою огню не заниматься, а действовать быстро холодным ружьем»⁹, особенно в наступательных сражениях. Необходимость подобных требований обуславливалась еще и тем, что к 1812 г. в русской ар-

² Военно-исторический сборник. 1913. № 3. С. 34.

³ Об этом преимуществе атак перед стрельбой говорится и в «Наставлении господам пехотным офицерам в день сражения» (Военный сборник. 1902. № 7. С. 241), и в приказе Барклая де Толли по 1-й армии перед Бородинским сражением (Бородино: Документы, письма, воспоминания. М., 1962. С. 89).

⁴ Последний вариант прекращения перестрелки зафиксирован, в частности, в воспоминаниях М. И. Карпенко о Бородинском сражении (1812 год. Воспоминания воинов русской армии. М., 1991. С. 341). Прекращение огневого боя вследствие гибели большей части сражающихся, описанное Н. И. Голыциным (Очерки военных сцен. 1812-1814 // Русский архив. 1884. Кн. II. С. 341), является, по-видимому, все же преувеличением или, что признает сам автор воспоминаний, следствием того «обоюдного ожесточения», которым сопровождался Бородинский бой и которого впоследствии он уже не встречал.

⁵ Из диспозиции Кутузова к Бородинскому сражению от 24 августа 1812 г. (М. И. Кутузов. М., 1954. Т. IV. Ч. I. С. 143); аналогичное требование содержится в его диспозициях к Тарутинскому сражению и к третьему дню боя при Красном (Там же. Ч. 2. Т. IV. С. 5, 302), а упомянутом выше приказе Барклая де Толли и в приказе Барклая по 1-й армии от 25 июня 1812 г. (Военный сборник. 1903. № 5. С. 269).

² М. И. Кутузов: Сб. документов. М., 1951. Т. II. С. 96.

³ Большая скорость перестроения колонны, составленной по средним взводам, была отмечена М. И. Кутузовым еще в 1786 г. (см. его «Примечания о пехотной службе вообще и русской особенно». М., 1955. С. 55-56.)

⁴ Например, пехота Неверовского при Красном 2 (14) июля 1812 г.

⁵ Наиболее наглядно такая тактика французской пехоты видна из рапорта Милорадовича о действиях его войск в Аустерлицком сражении (М. И. Кутузов. Т. II. С. 230-231), и воспоминаний Ланжерона о том же сражении (Военный сборник. 1900. № 12. Приложение. С. 56-57) и из воспоминаний В. И. Тимофеева о сражении при Прейсиш-Эйлау (Военный сборник. 1907. № 4. С. 3.)

нии широкое распространение получило рассыпание пехоты в стрелковую цепь: Хотя для этих целей предназначались в первую очередь егерские полки, линейная пехота (т. е. пехотные, до 1811 г. мушкетерские, полки) практически на равных с егерями привлекалась к подобного рода службам, особенно к концу 1812 г. Из состава последних в цепь высылались и охотники (т. е., выражаясь современным языком, добровольцы), или целые роты. О каких-либо других известных нам по официальным инструкциям (в основном более поздним) способах высылки стрелков в документы и других материалах, отражающих боевую практику войск в 1812–1813 гг. сведений не имеется; не дано они и оснований утверждать, что солдаты в цепях действовали парами, тройками или другими группами, внутри которых существовало какое-либо взаимодействие между людьми, а также не упоминается и то, что находящиеся в цепи придерживались какого-либо определенного расстояния между собой. Все это следует иметь в виду говоря о тактике рассыпанного *строя* в ту эпоху, т. е. употребляя слово, подразумевающее определенный регламент, порядок. Наглядным показателем того, что в 1812 г. рассыпание пехоты приобретает широкомасштабный характер, могут служить те же приказы и диспозиции Кутузова, Барклая и Толли и Багратиона, в каждом из которых непременно содержится требование как можно меньше высылать в сражение стрелков. Причина «увлечения» русского среднего и низшего командных звеньев рассыпанием пехоты заключается, возможно, в первую очередь в том, что в этом способе действовали русские значительно, по крайней мере в 1812 г., уступали своему противнику. Основания для такого вывода имеются следующие: во-первых, русские офицеры, описывающие действия французских стрелков, отмечают их большую подвижность и умение пользоваться естественными укрытиями¹⁰, чем, судя по всему, не обладали русские пехотинцы; во-вторых, вооружении французской пехоты были ружья, по качеству превосходившие образцы, имевшиеся в русской армии¹¹ и, в-третьих, что также прослеживается из воспоминаний современников, французы рассыпались в большом количестве и действовали не столько цепями, сколько «толпами»¹². Все это

¹⁰ Радожицкий И. Походные записки артиллериста с 1812 по 1816 год. М., 1835. Ч. I. С. 110; Ч. II. С. 103, 193; Норов А. Война и мир (1805–1812). С исторической точки зрения и по воспоминаниям современника // Военный сборник. 1868. Т. XXIV. С. 217.

¹¹ См. свидетельство Паскевича о том, что под Смоленском он заменил ружья в своем полку на французские (1812 год в воспоминаниях современников. М., 1995. С. 95) и сравнительную характеристику европейских ружей, данную И. Радожицким в «Походных записках...» (Ч. II. С. 158–159): «Из всех легчайшими и лучшей отделки были французские с надписью *Liege*; английские ружья были тяжелы, калибром шире французских, но в работе прочнее; прусские и шведские, как наши старо-тульские, были весьма негодны, тяжелы и неслышны».

¹² Выражение И. Радожицкого (Указ. соч. Ч. I. С. 122). О рассыпании целых батальонов в стрелки у французов свидетельствует и Паскевич (Указ. соч. С. 95).

вынуждало русских противопоставлять неприятелю не менее значительную массу стрелков, ведущую непрерывный огонь¹³. Однако и этих средств порой, особенно на первом этапе Отечественной войны 1812 года, оказывалось недостаточно и чтобы отбросить наступающих неприятельских стрелков приходилось посылать против них в атаку сомкнутые батальоны.

Исследование элементарной тактики позволяет глубже понять «механизм» функционирования боевых частей в сражении, усилить факторы, влиявшие на поведение солдат на поле боя, научиться видеть в батальонах, эскадронах и артиллерийских батареях не собрание безликих и бездушных словачиных солдатиков, а сложный живой организм и, в конечном счете, приблизиться к пониманию законов военной науки и военного искусства.

¹³ Радожицкий И. Указ. соч. Ч. I. С. 110, 194.